

М.М. Долгиева

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ

Рассматриваются общественные отношения, возникающие в сфере оборота криптовалюты, как новый объект уголовно-правовой охраны. Автором указывается, что криптовалюта должна быть признана иным имуществом в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Криптовалютные отношения – это такие отношения, которые возникают исключительно по поводу оборота криптовалюты, любые криминальные проявления в этой связи могут влечь причинение ущерба как отдельным лицам, так и обществу и государству в целом. Криптовалюта, как предмет преступления – неосвязаема, представляет собой цифровой код, при этом имеет цену и потребительский спрос.

Ключевые слова: *криптовалюта, криптовалютные отношения как объект уголовно-правовой охраны.*

Как справедливо отметил более чем полвека назад А.Н. Трайнин, «объектом всякого посягательства является то, чему это посягательство причиняет или пытается причинить ущерб» [1, с. 73]. Однако еще ранее А.А. Пионтковским было подчеркнуто, что объектом каждого преступления являются общественные отношения, общие для всех преступных посягательств [2, с. 129].

Теория уголовного права традиционно различает понятия общего, родового (специального), видового и непосредственного объектов преступления, допуская при этом наличие сопутствующих дополнительных объектов посягательства [3, с. 343–345].

Преступления, совершаемые в сфере оборота криптовалюты, исходя из складывающейся судебной практики, посягают на различные объекты: на отношения собственности, порядок экономической деятельности, общественную безопасность, компьютерную информацию.

При этом многогранная структура постоянно эволюционирующих общественных отношений в сфере оборота криптовалюты определяет причинение вреда не только основным, но и дополнительным объектам, содержание которых определяется непосредственным действием виновного лица и его статусом.

Особенности объекта криминальных посягательств в сфере оборота криптовалюты состоят в том, что без теоретического обоснования понятия криптовалютных отношений такие деяния будут находиться в правовом вакууме, среди спорных и неоднозначных мнений правоприменителей, влекущих существенные разногласия в судебной практике.

Так, наиболее распространенными преступлениями в сфере оборота криптовалюты в России является незаконный сбыт наркотических средств, осуществляемый за криптовалюту, и последующая ее легализация (32 приговора суда с 2015 г. по данным интернет-сайта Росправосудие [4]), кроме того, довольно часто криптовалюта похищается путем использования вредоносных программ и создания мошеннических сайтов по обмену криптовалютой на денежные средства, а также путем вымогательства.

При совершении деяний, связанных с оборотом криптовалюты, будь то различные ее хищения, легализация (отмывание) преступных доходов, либо контра-

банда или иные посягательства, общими либо специальными субъектами нарушаются не только общественные отношения, которым в первую очередь причиняется ущерб, но и установленный безопасный порядок функционирования и использования информационно-телекоммуникационных и виртуальных сетей.

Безусловно, в этом контексте рассматриваются только ситуации, непосредственно затрагивающие оборот криптовалюты, осуществляемый через специальные программные средства в виртуальных сетях. В тех случаях, когда речь идет о простых мошенничествах, посягательства ограничиваются основным объектом, как, например, в случае, когда в Калужской области «интеллигентного вида цыганами» потерпевшему на улице были проданы несколько монет под видом биткоинов за 1 тыс. рублей каждая [5].

В настоящее время назрела острая необходимость в принятии федерального закона, устанавливающего правовой статус криптовалюты и зоны ее легального оборота. Только законодательно закрепив такие понятия, как криптовалюта и криптовалютная деятельность, в государстве образуется эффективный уголовно-правовой аппарат противодействия криминальным посягательствам с использованием криптовалюты.

Нельзя отрицать того факта, что рынок криптовалют уже давно функционирует и саморегулируется, государство не может контролировать эмиссию криптовалют и их количество, соответственно на законодательном уровне не регулируются и криптовалютные отношения как таковые.

Однако быстрорастущее число криминальных посягательств в сфере оборота криптовалюты требуют от науки уголовного права обоснования необходимости исследования криптовалютных отношений как нового объекта уголовно-правовой охраны и установления их общих свойств и понятий.

Криптовалютные общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны и предмет правового регулирования следует рассматривать только после законодательного закрепления указанных нами понятий, поскольку в настоящее время сложилась ситуация, когда фактически криптовалютные отношения во всем мире, в том числе и в России, существуют и развива-

ются сами по себе, без должного внимания со стороны государства.

Объекты уголовно-правовой охраны, указанные в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), являются фундаментальным основанием Особенной части и выступают в качестве общих объектов преступления.

Для отражения специфики конкретного преступления или группы преступлений объект приобретает индивидуальные черты.

При этом следует согласиться с мнением Ю.А. Ляпунова о том, что место нормы в системе законодательства не является определяющим критерием установления объекта [6, с. 22].

Несмотря на то, что посягательства в сфере оборота криптовалюты квалифицируются правоприменителями по вышеуказанным объектам уголовно-правовой охраны (главы 21, 22, 24, 28 УК РФ), нам представляется, что основным объектом таких посягательств являются вновь складывающиеся отношения, возникающие в связи с криптовалютной деятельностью либо посягающие на нее.

«Признавая важность нормального функционирования определенных общественных отношений для общества и государства, законодатель переводит объект уголовно-правовой охраны в элемент состава преступления, устанавливая его границы посредством описания в диспозиции статьи Особенной части УК РФ других его элементов» [7, с. 51].

Критериями ценности объекта уголовно-правовой охраны выступает важность отношений, которым причиняет вред преступление, а также механизм причинения вреда, т.е. непосредственное воздействие на объект отношений или предмет внешнего мира, таким образом, «вред объекту может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определен свойствами самого объекта» [8, с. 137].

Следовательно, от того, «что считать объектом преступления и как он будет описан в диспозиции статьи Особенной части УК РФ (путем детального перечисления предметов материального мира или потерпевших либо общим указанием на сферу отношений, признаваемых объектом преступления), зависит беспредельность уголовного закона и соблюдение принципа законности» [7, с. 40].

Соответственно «для того, чтобы избежать применения закона по аналогии, объект преступления должен быть описан так, чтобы охватывать значительный объем охраняемых отношений, то есть должен использоваться абстрактный способ изложения диспозиций уголовно-правовых норм» [7, с. 45]. И действительно, такой механизм описания в качестве непосредственного объекта преступления общественных отношений, позволит трактовать уголовно-правовые запреты расширительно, что в случае с динамикой развития криптовалютных отношений представляется весьма обоснованным.

Нам представляется, что новая норма, ставящая под уголовно-правовую охрану криптовалютные отношения, должна, в силу природы таких отношений, быть безусловно бланкетной и отсылать к соответствующе-

му федеральному закону о регулировании криптовалютной деятельности, о необходимости принятия которого автором указано выше.

Сами по себе отношения, складывающиеся в сфере криптовалютной деятельности, определяются принципами создания и функционирования криптовалюты.

Автором предлагается, что криптовалюта должна быть признана в качестве иного имущества (имущества в цифровой форме) в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, определив легальный статус криптовалюты как имущества, можно рассматривать общественные отношения, складывающиеся в сфере ее оборота, как новый объект уголовно-правовой охраны.

Любая деятельность, так или иначе связанная с криптовалютой, определенно зарождает новые отношения, будь то майнинг криптовалют, размещение токенов в ICO, организация деятельности по обмену или торговле криптовалютами, – это такие отношения, которые возникают исключительно по поводу оборота криптовалюты, в том числе и разновидности ее хищения.

Представляется, что базовым принципом установления объекта криптовалютных отношений является понимание того факта, что криптовалюта имеет стоимость, соответственно любые криминальные проявления в этой связи могут влечь причинение ущерба как отдельным лицам, так и обществу и государству в целом.

Большую важность для определения признаков криптовалютных отношений как объекта представляет установление свойств предмета преступления в сфере оборота криптовалюты.

Предметы таких преступлений обладают определенной спецификой, поскольку имеют цену и потребительский спрос, при этом объем оборота криптовалют имеет тенденцию к росту, и, кроме того, криптовалюта как предмет – неосвязаема, представляет собой цифровой код.

В современной науке уголовного права теоретические понятия предмета преступления уже не ограничиваются рамками вещей материального мира, как это было принято в науке советского уголовного права.

Эволюцию понятия предмета преступления можно проследить в целях обоснования такого понятия применительно к криптовалютным преступлениям.

Некоторые советские ученые считали, что существуют беспредметные преступные посягательства. «Предмет преступления – это вещь или процесс, служащие условием (предпосылкой) существования или формой выражения конкретного общественного отношения» [9, с. 57; 10, с. 123; 11, с. 137].

Таким образом, в науке уголовного права акцент в определении предмета преступления был смещен в сторону его «материальности» и «вещной природы».

Однако в последние годы появились нетрадиционные взгляды на понятие предмета преступления, в которое стали включаться поведение людей, нематериальные блага и интеллектуальные ценности. «Предмет преступления – это то, по поводу чего совершается преступление. Воздействуя на предмет, преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение» [12, с. 309].

А.Г. Безверхов также справедливо указывает, что «предметом имущественных преступлений в условиях рыночной экономики выступают не только вещи, но и иные объекты имущественных отношений в той части, в какой они составляют экономическую ценность, имеют стоимостное выражение и подлежат денежной оценке». К таким предметам он относит имущественные права, энергию, информацию, интеллектуальные ценности [13, с. 41].

Л.А. Букалерева, А.С. Денисова, расширяя понятие предмета преступления, также предлагают в качестве такового считать информацию [14, с. 125; 15, с. 124].

И действительно, расширение объема понятия предмета преступления обусловлено реалиями современного информационного и научно-технологического развития.

Нам представляется, что дальнейшее развитие понятия и свойств предмета преступления в тесной связи с трансформацией понятия объекта преступных посягательств в сфере оборота криптовалюты будет являться логическим обоснованием мер уголовно-правового противодействия, рассматриваемых в данном исследовании.

Понятие предмета преступления, совершаемого в сфере оборота криптовалюты, являясь необходимым признаком для решения вопроса о правильной квалификации такого деяния, позволит разграничить исследуемые преступные посягательства от иных схожих составов.

При этом особенности преступлений в сфере оборота криптовалюты в сегменте экономической деятельности и совершение их посредством использования виртуальных сетей определяют специфику их предмета.

Криптовалюта, в буквальном понимании, представляет собой код, сгенерированный компьютером с помощью математических вычислений.

При этом программное обеспечение для скачивания и генерации криптовалюты и затрачиваемая электроэнергия в процессе майнинга предопределяют ее стоимость и также могут являться предметами преступления.

К таким предметам также могут быть отнесены пароли и коды, закрытые и открытые ключи доступа, однако в данном случае такие предметы необходимо отличать от предметов преступления, предусмотренно ст. 273 УК РФ.

Исчерпывающего перечня предметов преступлений в сфере оборота криптовалюты регламентировано быть не может в силу специфики средств и способов совершения таких преступлений.

Однозначно в теории и на практике должно быть установлено, что криптовалюта, сама по себе, имеет стоимость, и эти так называемые расчетные единицы, в случае посягательства на них, превращаются в реальный ущерб, который всегда имеет эквивалент.

Другой вопрос, каким образом эта стоимость должна устанавливаться? Данное обстоятельство имеет существенное значение для уголовного закона, поскольку установление ущерба от анализируемых деяний влечет сам факт привлечения к уголовной ответственности.

Как показывает практика, криптовалюта имеет стоимость, основанную на ее курсе. Однако курс криптовалют, а вернее ее токенов, устанавливается на интернет-торгах путем обмена или продажи.

Поскольку курс криптовалюты не является официальным и не регулируется Центральным банком России, полагаем, что он не может быть взят за основание расчета ущерба, например, при хищении криптовалюты или неуплате налогов с прибыли.

Представляется справедливым, что в рамках уголовного законодательства, стоимость криптовалюты должна исходить из средств, фактически на нее затраченных, по аналогии с подтверждением затрат на вещи, при хищениях, а для установления ущерба при других криминальных посягательствах, например при неуплате налогов, легализации и другой незаконной деятельности, ущерб должен исчисляться из суммы, на которую криптовалюты были обменены в денежном эквиваленте.

Криптовалютные отношения как объект уголовно-правовой охраны не всегда являются непосредственным объектом посягательства.

Раскрывая взаимосвязь выделяемых нами видов объектов преступлений в сфере оборота криптовалюты, подразумевается соотношение категорий их системы, то есть близкого ряда взаимосвязанных преступлений.

Вся совокупность объектов преступлений, которые совершались в России за последнее время (а в основном это ст.ст. 159, 159.6, 174, 174.1, 186, 272, 273 УК РФ), представляется нам не общим объектом посягательства, а системой, в рамках которой выделяются подсистемы и элементы. Отдельно взятый объект преступления (определенные криптовалютные отношения) выступает как часть системы таких преступлений.

В этой связи общественные отношения как объект преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, подразделяются на три категории:

– когда криптовалюта является объектом посягательства (например, ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком»), при этом необходимо отличать случаи, когда криптовалюта выступает в качестве предмета преступления (различные виды ее хищений);

– когда ущерб причиняется объектам при использовании криптовалюты как инструмента (средства) совершения преступления (например, ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»);

– когда криптовалюта является поводом к совершению преступления и объектом посягательства выступают иные общественные отношения (например, контрабанда оборудования для майнинга криптовалюты, или незаконное использование энергоресурсов в тех же целях).

Следовательно, обоснование общего для всех преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, видового объекта посягательства представляется вполне закономерным, при этом в качестве непосредственного объекта преступления будут выступать конкретные общественные отношения, возникающие вследствие совершения определенных преступных действий.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что видовым объектом преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, является совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с созданием, использованием и оборотом криптовалюты.

При том что природа объектов посягательства рассматриваемых преступлений разнообразна (от по-

сягательств на собственность до посягательств на общественную безопасность) и до настоящего времени, в силу высокой латентности криптопреступности, до конца не изучена, усматривается необходимость установления общей нормы о преступлениях, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, на основе указанного нами абстрактного способа изложения диспозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 73.
2. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М. : Гос. изд-во, 1924. С. 129.
3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 344–345.
4. Банк судебных решений. URL: <http://www.rospravosudie.ru> (дата обращения: 10.05.2018).
5. Цыгане в Обнинске продали мужчине «биткойны» с рук. URL: https://lenta.ru/news/2017/10/04/pozoloti_ruchku/ (дата обращения: 10.05.2018).
6. Ляпунов Ю.А. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. 144 с.
7. Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. М. : Юрлитинформ, 2015. 368 с.
8. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. 228 с.
9. Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 57.
10. Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. № 1. С. 123.
11. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. М. : Изд-во РИО ВЮА, 1948. С. 137.
12. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1: Преступление / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 309.
13. Безверхов А.Г. Имущественные преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002. 41 с.
14. Букалерова Л.А., Остроушко А.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений с использованием информации как предмета преступлений и предмета совершения корыстных преступлений // Научные труды РАЮН. Вып. 2 : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 411.
15. Денисова А.С. Отграничение орудий и средств совершения преступления от предмета преступления // Материалы Второй Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». М. : Проспект, 2005. С. 124.

FEATURES OF THE OBJECT AND TARGET OF CRIMES IN THE SPHERE OF CRYPTOCURRENCY TURNOVER

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 19–23. DOI 10.17223/23088451/12/4

Madina M. Dolgieva, Criminal Justice Department of the Moscow Region Prosecutor's Office (Moscow, Russian Federation). E-mail: novator111@mail.ru

Keywords: cryptocurrency, cryptocurrency relations as an object of criminal law protection.

Cryptocurrency public relations as an object of criminal law protection and the target of legal regulation should be considered only after legislative consolidation of the corresponding concepts, since nowadays cryptocurrency relations all over the world, including Russia, exist and develop on their own, without due attention from the state. Cryptocurrency must be recognized as other property (digital property) under Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. Thus, by defining the legal status of cryptocurrencies as property, one can consider public relations, developing in the sphere of its turnover, as a new object of criminal law protection. It seems that the basic principle of establishing the object of cryptocurrency relations is the understanding of the fact that a cryptocurrency has a value, so any criminal manifestations in this regard may entail damage to both individuals and society and the state as a whole. Of great importance for determining the signs of cryptocurrency relations as an object is to determine the properties of the target of a crime in the sphere of cryptocurrency turnover. The targets of such crimes have certain specificity, since they have a price and consumer demand, while the volume of cryptocurrency turnover tends to increase, and, in addition, cryptocurrency as an object is intangible, as it is a digital code. The nature of the targets of crimes under consideration varies from encroachments on property to encroachments on public safety, and, up to now, due to the high latency of crypto-crime, has not been fully studied. There is a need to establish a general rule on crimes committed in the field of cryptocurrency, based on the abstract way of presenting the disposition.

References

1. Traynin, A.N. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Piontkovskiy, A.A. (1924) *Ugolovnoye pravo R.S.F.S.R. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the RSFSR. General Part]. Moscow: Gos. izd-vo.
3. Naumov, A.V. (2017) *Rossiyskoe ugovolnoye pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. 6th ed. Moscow: Prospekt. pp. 344–345
4. Rospravosudie.ru. (n.d.) *Bank sudebnykh resheniy* [Bank of Court Decisions]. [Online] Available from: <http://www.rospravosudie.ru>. (Accessed: 10.05.2018).
5. Lenta.ru. (2017) *Tsygane v Obninske prodali muzhchine "bitkoiny" s ruk* [Gypsies in Obninsk sold the bitcoins to a man]. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2017/10/04/pozoloti_ruchku/. (Accessed: 10.05.2018).

6. Lyapunov, Yu.A. (1974) *Ugolovno-pravovaya okhrana prirody organami vnutrennikh del* [Criminal law protection of nature by internal affairs bodies]. Moscow: USSR Academy of the Interior.
7. Vinokurov, V.N. (2015) *Ob'ekt prestupleniya: pravotvorcheskie i pravoprimitel'nye aspekty* [The object of the crime: law-making and law enforcement aspects]. Moscow: Yurlitinform.
8. Nikiforov, B.S. (1960) *Ob'ekt prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu* [The object of the crime under the Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.
9. Kudryavtsev, V.N. (1951) K voprosu o sootnoshenii ob'ekta i predmeta prestupleniya [On the correlation between the object and the target of the crime]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 57.
10. Krieger, G.A. (1955) K voprosu o ponyatii ob'ekta prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave [On the concept of the object of crime in Soviet criminal law]. *Vestnik Moskoskogo universiteta*. 1. pp. 123.
11. Gertsenzon, A.A. (1948) *Ugolovnoye pravo. Chast' obshchaya* [Criminal Law. General Part]. Moscow: RIO VYUA.
12. Korobeev, A.I. (ed.) (1999) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Vol. 1. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
13. Bezverkhov, A.G. (2002) *Imushchestvennye prestupleniya* [Crimes against property]. Abstract of Law Dr. Dis. Izhevsk.
14. Bukalerovala, L.A. & Ostroushko, A.V. (2002) Nekotorye voprosy kvalifikatsii prestupleniy s ispol'zovaniem informatsii kak predmeta prestupleniy i predmeta soversheniya korystnykh prestupleniy [Some questions on the qualification of crimes with the use of information as the target of crimes and the target of the commission of acquisitive crimes]. *Nauchnye trudy RAYUN*. 2(1). p. 411.
15. Denisova, A.S. (2005) [The delimitation of tools and means of committing a crime from the target of a crime]. *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: a Development Strategy in the 21st Century]. Proc. of the Second International Conference. Moscow: Prospekt. p. 124. (In Russian).